

Дело уральского Дрейфуса | "L'affaire Dreyfuss" d 'Oural

Auteur: Анна Матвеева, [Екатеринбург](#) , 21.12.2016.

На могиле Модеста Клера

Полтора года назад мы рассказывали вам о швейцарском исследователе Урала [Онисиме Клере](#), которому установлен памятник в Екатеринбурге. А сегодня продолжим эту тему рассказом о его сыне Модесте, чье имя также вписано в историю региона золотыми или, что на Урале уместнее, железными буквами.

|

Il y a un an et demie nous avons raconté l'histoire d'Onisim Clair, donc un buste est érigé en Ekaterinbourg. Voici la suite.

Старший сын

Итак, Онисим Егорович Клер скончался в Екатеринбурге в 1920 году, в возрасте 74 лет. Новую родину он оставить не пожелал даже после того, как в стране сменилась власть. А вот старший из трех его сыновей, Модест, решил, что получать образование лучше на исторической родине, и стал студентом Невшательской академии. Сферы его научных интересов – геология, палеонтология, гидрология, и, побочно, краеведение и музейное дело. Получив диплом в Невшателе и защитив докторскую диссертацию по палеонтологии в Женевском университете, он работал хранителем геологического отдела музея природы в Женеве, преподавал как в Швейцарии, так и в Киеве, и в Новочеркасске, а в 1920-м, после смерти отца, решил вернуться в Екатеринбург. Этот город и этот край были для Клеров словно заколдованными – как бы ни отводили их от Урала судьба и здравый смысл, всё равно рано или поздно они вновь оказывались на берегах Исети... При Колчаке младший Клер симпатизировал белым, об этом все помнили (как, впрочем, и о подозрительном непролетарском происхождении), но делали вид, что простили товарищу этот грех. Молодой советской республике отчаянно требовались опытные специалисты и новые открытия, финансовые ресурсы и полезные ископаемые, и Клеру невероятно повезло – он со своим швейцарским дипломом оказался на Урале более чем кстати. Модесту Онисимовичу доверили возглавить Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), а попутно усадили в кресло заведующего геологоразведочной частью треста «Уралплатина».

Вот эта самая платина и сыграла в судьбе младшего Клера роковую роль.

Суд да дело

Знаменитое дело Альфреда Дрейфуса, французского офицера, обвинённого в шпионаже в пользу Германии в конце XIX - начале XX века – один из самых известных судебных процессов прошлого столетия. За ним следил весь мир, ожидая свежих известий из зала суда. Прославленные люди эпохи выступали в защиту Дрейфуса – например, писатель Эмиль Золя опубликовал статью «Я обвиняю», после чего сам был обвинён в клевете и бежал из родной Франции в Англию.

Модест Клер, основатель уральской гидрогеологической школы, неизменный консультант Пермской железной дороги, ученый и подвижник, был обвинен в шпионаже в пользу Франции. В мае 1923 года его арестовали по обвинению в контрреволюционных высказываниях и подрывных действиях. Судебный процесс по делу Клера стал – в уральских масштабах, разумеется, – местным «делом Дрейфуса» и по сути своей, и по тому шуму, который он наделал в Екатеринбурге. И Дрейфусу, и Клеру досталось за происхождение – один был евреем, второй – наполовину швейцарцем. Дрейфуса обвиняли в передаче засекреченных сведений германскому атташе в Париже, Клеру «шили» сотрудничество с французскими шпионами, опираясь на его рядовую переписку с Л. Дюпарком, консультантом компании «Эндюстриель де Платин». С французами Модест Онисимович не общался, он имел дело лишь со швейцарскими коллегами, которые в свою очередь контактировали с геологами из французской компании «Эндюстриель де Платин», владевшей в те времена уральскими платиновыми приисками.

В каком-то разговоре с соотечественниками Клер однажды сказал с болью, что на рудниках, де, царит бесхозяйственность, рабочие с трудом сводят концы с концами, и как в таких условиях развивать месторождение платины – лично ему непонятно. Это высказывание и стало главной причиной для обвинений и привлечения к суду, потом появились какие-то письма, которые Клер будто бы писал и передавал иностранным шпионам. В общем, всё развивалось в полном соответствии духу эпохи.

О суде над Клером говорил весь Екатеринбург. Процесс решили сделать открытым для публики – можно было попасть на него по билетам (!) или достать приглашения (!). На суде присутствовали брат Клера Владимир, его жена Мария Фёдоровна Парамонова, другие члены семьи. Вот как описывала в своём личном дневнике процесс по делу Клера преподаватель французского языка Горного института Ксения Михайловна Лёвшина:

«Суд происходит в зале Профинтерна. Билеты проверяют два раза у входа с улицы и при входе в зал. <...> Публика раздевается внизу, так что в зале уютно, точно на даровом спектакле. Заседание должно начаться в 10 утра, но начинается позже. Публики не так много, большая часть женщины, есть довольно нарядные <...> Со мною рядом садится «бывшая» княжна Кутузова, как её называют газеты. Заседание суда происходит в нише, именуемой сценой. Сзади что-то вроде декорации в виде стены комнаты, на ней портрет Ленина. У стенки стол, покрытый красным сукном».

Защищали Клера два адвоката, выписанных семьёй из Москвы. Письма в поддержку Модеста Онисимовича писал академик Ферсман и другие влиятельные учёные того времени. К. М. Лёвшина вспоминает:

«Суд входит. Все встают. <...> Прокурор говорит громко, медленно, гипнотизируя своими глазами. Он чувствует свою власть и пытается дать её почувствовать и Клеру. В зале тяжелое состояние. Чувствуется, что Клеру тяжело, голос его становится неуверенным, интонации какие-то безропотные. Точно он чувствует, что гибнет и не в силах противостоять своей гибели».

И дальше:

«Последнее заседание суда было в среду 13-го должно быть. Защита начала говорить ещё ночью, накануне заседание длилось чуть не до трех часов. Я была утром на продолжении речи Стрелкова (московский адвокат – А. М.). Говорят, он ночью уже успел говорить два часа, да при мне говорил часа два. Он не ищет фраз и цветистых оборотов, хотя любит иногда на адвокатский манер щегольнуть метким словцом или удачно притянутым сравнением. Голос у него мягкий, приятность и медленность речи несколько искусственная, достигнутая намеренно. Речь свою он вел деловито, стараясь брать цифрами, фактами, искусными выводами. Его слушать легко и интересно, и много казалось явно клонящимся в пользу Клера. Например, он очень хорошо сказал, что как нельзя советским рублем 1919 г. платить по счетам 1924 г., так и на дело Клера сейчас нельзя смотреть глазами 1919 г. Он правильно указывал, что если бы Клер признавал, что он шпион, то не стал бы у себя за чем-то хранить старые черновики писем к Дюпарку. Он отрицал корыстные цели у Клера, указывая на его жизнь и на то, что сами коммунисты признают, что Клеры не обросли домами и не завелись добром».

Суд продолжался несколько дней. Вызывали свидетелей, против Клера давал показания его однокурсник по Женевскому университету Борис Дидковский. Дескать, Модест Клер передавал секреты советской горнодобывающей промышленности капиталистам и получал за это щедрое вознаграждение...

Московские адвокаты старались изо всех сил, но чуда не произошло – швейцарский уралец получил десять лет с конфискацией. Близкие знакомые и друзья Клера устроили сбор в пользу семьи по одному-два червонца. Модеста Онисимовича закрыли в камере, где сидело еще восемнадцать человек...

Дедушка Мо

По такому серьёзному обвинению могли и расстрелять, скажут некоторые, а тут «всего лишь» десять лет... Но Модест Клер родился в счастливой рубашке. Уже через год после оглашения приговора его амнистировали. Слишком ценным был этот специалист для молодой советской России. Незаменимым. Такие, как выяснилось, всё-таки встречаются. В наказание без вины виноватому Клеру было вменено работать в школах ликвидации неграмотности и наставлять юных пионеров-краеведов – и это «наказание» неожиданно стало главным удовольствием его жизни. Прирожденный педагог, Клер водил в походы ребятишек – учащихся той самой гимназии, где когда-то преподавал его отец, и где учился он сам... А параллельно с этим Модест Онисимович руководил подготовкой советской экспозиции для Международного геологического конгресса, заведовал сразу несколькими кафедрами горного института, стал автором и соавтором более 50 научных работ, и, главное, без устали консультировал геологоразведчиков, руководил разведкой водоисточников для Свердловска, Нижнего Тагила, Серова, Челябинска и других городов. Говорят, что ни одна железная дорога на Урале не обошлась без Клера – без его авторитетного мнения никто не осмелился бы выбрать правильный участок для новой магистрали. Только Клер знал, где имеются подземные запасы воды. У него была своя система вычисления – там, где есть трещины, где залегает известняк, там, скорее всего, присутствует вода. Клер исследовал около 800 озёр, установив основные закономерности распределения и запасов подземных вод трещиновых, пластовых, рудничных... Вместе с помощниками он бурил неглубокие скважины, 200-300 метров, а его ученики впоследствии изучали глубинные воды уже на километровой глубине!

В 1930 году, через пять лет после первого судебного процесса, Клера попытались осудить ещё раз – по печально известному делу Промпартии о вредительстве в промышленности. И вновь он отделался «малой кровью» – в течение пяти лет ему запрещено было покидать Свердловск. Клер, в общем, и не стремился уезжать из родного города – к тому времени он поселился в двухэтажном доме в Университетском переулке, в двух шагах от старого здания Горного института, и чуть ли не каждый день принимал в гостях юных краеведов. Маленькие гости разглядывали старинные книжки, любовались минералами и статуэтками каслинского литья, просили, чтобы хозяин показал им жутковатый зуб огромной доисторической акулы родом из Зауралья – это была главная приманка квартиры дедушки Мо. Да, Модест Онисимович стал к тому времени дедушкой Мо – так обращались к нему пионеры, под этим именем он остался в уральской истории, и, что самое удивительно, именно это ласковое прозвище выбито на надгробной плите Модеста Онисимовича Клера, уральского Дрейфуса, швейцарского уральца, похороненного на Широкореченском кладбище Екатеринбурга. Клер умер в 1966 году, в возрасте 86 лет, и в современном Екатеринбурге ещё живут его бывшие ученики, с раннего детства полюбившие родную землю благодаря усилиям талантливого и увлечённого дедушки Мо. Он жив в их памяти, но вот, к сожалению, реальных напоминаний о Модесте Онисимовиче Клере в городе практически нет... Отцу его, Онисиму Егоровичу с этим повезло больше – у входа в гимназию № 9 висит

мемориальная доска, а перед Краеведческим музеем на проспекте Ленина установлен первый в России памятник Онисиму Клеру – бронзовый бюст работы скульптора Игоря Акимова. Почему памятник решили поставить именно в этом месте? Да потому что нынешнее внушительное краеведческое собрание «выросло» из того самого крохотного музея, который однажды открыл в Екатеринбурге выходец из швейцарского кантона Берн.

От редакции: Модест Клер стал героем одной из новелл Анны Матвеевой, вошедшей в ее [книгу](#) "Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е".

[Женева](#)

Статьи по теме

[Онисим Клер: швейцарец-исследователь Урала](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/delo-uralskogo-dreyfusa>